

Агротехнические предпосылки Столыпинской аграрной реформы

Дмитрий Н. Беянин^{a, @, ID}

^a Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово

@ bdn73@list.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2062-860X>

Поступила в редакцию 03.06.2020. Принята к печати 20.08.2020.

Аннотация: Рассмотрена проблема агротехнических предпосылок аграрной реформы П. А. Столыпина. Предмет – агротехнический кризис в российской деревне пореформенного периода, при этом сложный и дискуссионный вопрос о влиянии общины на кризисные явления в русской деревне выведен автором за рамки исследования. Выявлена связь кризиса трехпольной системы с естественным приростом и аграрным перенаселением в России. Определены использовавшиеся крестьянами методы борьбы с аграрной теснотой, выявлен их экстенсивный характер. Обобщены и проанализированы варианты преодоления агротехнического кризиса, предлагавшиеся государственными, политическими и общественными деятелями в конце XIX в. Доказано, что для преодоления агротехнического кризиса была необходима глубокая модернизация российской деревни, инструментом такой модернизации должна была стать государственная политика, также был необходим переход к интенсивным формам производства. Выводы показывают наличие агротехнических предпосылок Столыпинской модернизации сельского хозяйства.

Ключевые слова: модернизация сельского хозяйства, пореформенная деревня, агротехнический кризис, трехпольная система, аграрное перенаселение

Для цитирования: Беянин Д. Н. Агротехнические предпосылки Столыпинской аграрной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 899–907. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-899-907>

Введение

С 1990-х гг. в историографии отмечен заметный интерес к аграрной реформе П. А. Столыпина. Эта тема относится к числу самых дискуссионных в отечественной истории, поэтому исследовательский интерес к ней не случаен. В центре данной статьи – выявление и анализ предпосылок агротехнической модернизации российской деревни начала XX в. Выбор такой темы исследования обусловлен несколькими причинами:

1. Вопрос предпосылок Столыпинской модернизации почти не привлекает внимание историков. В советский период начало Столыпинской аграрной реформы связывалось лишь с аграрными выступлениями крестьян до и в период первой русской революции [1, с. 8], поэтому вопрос об агротехнических предпосылках аграрной реформы П. А. Столыпина не был в явном виде даже сформулирован. В постсоветский период внимание историков было сконцентрировано в основном на целях, перспективах, процессе и результатах реформ [2]. Вопрос о причинах Столыпинской аграрной реформы фактически затрагивался лишь в нескольких трудах: в монографии В. Г. Тюкавкина [3, с. 50–55, 61–74, 126, 132–151] и в отдельных работах локального характера [4], причем иногда даже не в контексте агрикультуры и сельского хозяйства, а в рамках совершенно иных дисциплин, например права и правоведения [5].

2. Внимание современных историков приковано в основном к процессам землеустройства, формирования единоличных крестьянских хозяйств и крестьянских

переселений в Сибирь. Эти проблемы считаются ключевыми в оценке результатов Столыпинских реформ. Разумеется, значимость этих процессов нельзя отрицать, но при этом незаслуженно в тени интереса современных историков находится более важный, на наш взгляд, вопрос агрономической помощи крестьянству. В числе работ, посвященных проблеме агротехнической модернизации в 1906–1914 гг., следует выделить труды М. А. Давыдова [6, с. 530–579], А. В. Ефременко [7] и К. Мацузато [8]. Правда, в работах этих исследователей акцент сделан больше на процессе и результатах, чем на причинах и предпосылках.

3. Выбранная нами тема исследования тесно связана с дискуссионным вопросом о причинах и степени аграрного кризиса в пореформенной России. Среди историков нет единства во вопросе, в чем была сущность аграрного кризиса, а некоторые историки отрицают сам факт существования кризисных явлений в российской деревне.

Таким образом, дискуссионность и недостаточная изученность проблемы агротехнических предпосылок Столыпинской аграрной реформы определяют актуальность и научную новизну нашего исследования.

Кризис трехпольной системы и проблема малоземелья

Вопрос об агротехнических предпосылках Столыпинской аграрной реформы следует рассматривать в контексте общего аграрного развития в пореформенный период. На развитие российской пореформенной деревни большое

влияние оказывали демографические процессы – деревня переживала настоящий демографический бум. В 1896–1900 гг. естественный прирост среди крестьян губерний Европейской России составлял 1661,5 тыс. [9, с. 162–163, табл. 20]. За 50 лет численность крестьянства в европейских губерниях страны увеличилась с 54,8 млн в 1858 г. до 104,8 млн в 1910 г. [10, с. 4], что понизило обеспеченность крестьян землей. По официальным данным, в 1860 г. в среднем по 50 губерниям Европейской России на душу мужского пола (д. м. п.) приходилось 4,8 дес., а в 1900 г. – 2,6 дес. Возникло новое для российской деревни явление – переизбыток рабочих рук. В 47 губерниях в 1900 г. надельной удобной земли у крестьян было на 79,3 % менее того количества, которое соответствовало бы имевшейся в наличии рабочей силе¹. Не находившие применение своему труду крестьяне вынуждены были искать источник дохода на стороне. Распространенным видом сторонних заработков были отхожие промыслы, в которых, по данным В. Г. Тюкавкина, в 1906–1910 гг. было занято 12–13 млн человек [3, с. 54–63].

Увеличение аграрного перенаселения во второй половине XIX – начале XX в. сопровождалось жалобами крестьян на земельную тесноту. Однако жаловались не только те, кому «курицу некуда было выпустить», как крестьяне с Шаблыкино (Орловская губерния), которые по реформе 1861 г. получили всего по $\frac{3}{4}$ дес. на ревизскую душу². Требовали прирезки земли и бывшие помещичьи крестьяне, которые получили в надел всю землю, какую они обрабатывали при крепостном праве, и бывшие государственные крестьяне, получившие в одних губерниях по 8, в других – по 15 дес. на ревизскую душу, и даже переселенцы, которым всего каких-нибудь 5–6 лет назад была отведена земля: в Заволжье – по 5–7 дес., а в Сибири – по 15 дес. на наличную д. м. п. [11, с. 9]. Жалобы на земельную тесноту были и от тех, кто мог бы считаться достаточно обеспеченным землей при более рациональном использовании земельных ресурсов.

В пореформенный период среди публицистов, политиков, ученых и самих крестьян растущая земельная теснота называлась термином *малоземелье*. Сам этот термин предполагал, что проблема земельной тесноты – это проблема количества земли.

Однако некоторые известные ученые начала XX в. в своих трудах представили проблему земельной тесноты как проблему кризиса трехпольной системы. В своих расчетах они исходили из того, что средний крестьянский надел в России был выше, чем во многих европейских странах, что объективно не позволяло говорить о малоземелье в российской деревне. Так, в 50 губерниях Европейской России накануне Столыпинской аграрной реформы на двор в среднем приходилось 8,7 дес.³, при этом во многих странах

Европы абсолютное большинство крестьян имели куда меньшие наделы: надел в 0,9–4,6 дес. во Франции в 1892 г. имели 52,8 % хозяйств, в Германии в 1882 г. – 57,4 % хозяйств [12, с. 17]. Поэтому А. А. Кауфман связал вопрос о земельной тесноте с вопросом о производительности земли, отметив, что выход для крестьян лежал в повышении производительности надельных земель, в переходе к более совершенным способам культуры [11, с. 10, 51–52]. Б. Д. Бруцкус вообще поставил под вопрос корректность термина *малоземелье*, заметив, что наделы, которые при одном уровне развития не могут прокормить население, были бы достаточны при другом, более высоком уровне развития. Размеры надела еще не определяют размеров извлекаемого из земли дохода [13, с. 55–56, 58]. Из этого логически выходило, что аграрное перенаселение было тесно связано с проблемой кризиса трехпольной системы.

Трехпольная система к пореформенному периоду существовала в России несколько веков и продолжала преобладать к середине XIX в. В 1871 г. районы трехпольного земледелия простирались широким поясом от Ковенской губернии на юг до Подольской и на восток до Уфимской и Оренбургской, охватывая 30 губерний (еще в 16 господствовала более архаичная залежь) [14, р. 201, fig. 6.1]. Затем ареал трехполья еще больше расширился и к началу XX в. абсолютно господствовал – 78,4 % крестьянских хозяйств вели именно трехполье [15, с. 177].

Демографический взрыв в совокупности с общей модернизацией страны поставил вопрос о пределе возможностей трехполья в России. Трехполье обладало несколькими существенными недостатками, которые серьезно ограничивали возможности повышения урожайности. Во-первых, при трехполье непроизводительно пропадала треть наделов. Так, в 1877–1878 гг. в Европейской России на крестьянских землях на 100 дес. пашни приходилось 62,9 дес. под посевом, остальные – под паром и залежью. К концу XIX в. доля пара в крестьянских хозяйствах почти не изменилась: в 1892 г. у крестьян было пахотной земли 73,4 млн дес., из них под посевами – 64 %, а 36 % – пар и залежь [16, с. 145–146].

Во-вторых, кратковременный пар при трехполье мог лишь замедлить темпы потери плодородия, но не ликвидировать их [17, с. 57]. И даже при полном навозном удобрении трехпольная система истощала почву в отношении фосфорной кислоты [18, с. 24], а специальные исследования по агрохимии показывают, что содержание фосфора играет значимую роль для урожайности пшеницы [19, с. 13]. Таким образом, трехпольная паровая система даже с применением навозного удобрения неизбежно вела к снижению плодородия пашен. Прямым следствием истощения почв стали участившиеся неурожаи. Например, в 1890-х гг.

¹ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1903. Т. 3. С. 161, 163.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 2. Д. 5. Л. 22.

³ Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1906. С. 27.

продовольственная помощь по случаю неурожаев оказывалась Курской и Воронежской губерниям 4 раза, Тульской губернии – 5 раз. Полностью или частично от неурожаев в 1867–1901 гг. пострадали Саратовская губерния – 10 раз, Оренбургская – 12, Самарская – 13, Пензенская – 14 (подсчитано по [20, с. 86–232]).

С трехпольем была тесно связана система севооборота. В пореформенный период для русской деревни были характерны неправильные севообороты. Крестьяне основных зерновых районов России делали упор на посевах злаковых культур. Например, в 1890-х гг. в Черноземье и Поволжье на 100 дес. пашни приходилось зерновых хлебов 91,51 %, кормовых трав – 0,89 %, стручковых, корнеплодных и торговых культур – 7,59 %. Пахотные земли производили почти одни зерновые, что просто исключало правильный плодосмен культур [21, с. 123]. В центрально-черноземных губерниях 75–80 % всего посева принадлежало двум хлебам – ржи и овсу, в южных степных – пшенице и ячменю [22, с. 182]. Неправильный плодосмен (хлеба после хлебов), ограниченный круг выращиваемых растений и постоянное разведение узколиственных растений (хлебов) с мелкими корнями приводили к сильному истощению верхнего слоя почвы. Это сильно увеличивало вероятность неурожаев, приводило к одичалости, затвердению и высыханию почв [23, с. 9]. Неправильный севооборот существенно понижал урожайность (табл.⁴). В районах, где трехпольной системы уже не существовало, доля зерновых хлебов в общей массе полевых культур понизилась за счет расширения корнеплодов, кормовых трав, бобовых и масличных культур, при этом урожайность тех же зерновых возросла. В районах с господствовавшим трехпольем абсолютно преобладали зерновые, доля иных культур была небольшой, и урожайность зерновых была ниже.

Прямая связь между неурожаями и неправильными севооборотами была замечена уже во второй половине XIX в. Так, одной из причин неурожая в Самарской губернии в 1880 г. были именно хищнические способы агротехники. В южной части этой губернии на крестьянских землях правильных севооборотов не было, яровое могли сеять на яровое, рожь – на рожь. По мере того, как почва выпахивалась и теряла свою производительность, земля переставала давать урожай,

и знаменитый когда-то чернозем становился не лучше самой плохой земли [24, с. 272–273].

Средние урожаи хлебов в России были близки к урожаям в странах с экстенсивным характером земледелия: в США были чуть выше российских, в Австралии – чуть ниже. Однако в сравнении со странами с интенсивным характером земледелия урожайность в России была заметно ниже – в 1,5 раза ниже, чем в Австро-Венгрии, в 2,5 раза ниже, чем в Германии. Прямая зависимость урожайности от степени интенсификации налицо: в Европейской России на 1 га посевов приходилось 6,9 кг минеральных удобрений, а в Германии, к примеру, – 166⁵.

Проблема эволюции от трехполья к интенсивным формам полеводства

Переход от аграрного общества к индустриальному в передовых странах Европы сопровождался оттоком крестьян в города, перераспределением сельского и городского населения в пользу последнего. Это решало проблему аграрного перенаселения. Однако в России крестьянство в основной своей массе старалось избежать раскрестьянивания. Поэтому, невзирая на увеличивающуюся аграрную тесноту, русское крестьянство старалось сохранить свой социальный статус, восстановить хотя бы частично эффективность трехпольной системы. Для этого применялось несколько способов.

Во-первых, крестьяне обращали под пашню другие угодья – леса, луга и выгоны, однако это только обострило кризис трехполья. Трехполье могло относительно держаться без истощения почвы, пока на десятину пашни приходилось 1,5 дес. лугов и выгонов (подробнее см. [25, с. 63–64]). В начале XX в. эта пропорция не соблюдалась почти нигде. В среднем по 50 губерниям Европейской России в начале XX в. на 77852,7 тыс. дес. пашни у крестьян приходилось 29795,2 тыс. дес. пастбищ и сенокосов⁶. В результате удобрялась лишь малая часть пара, что быстро вело к истощению почв.

Во-вторых, расширение крестьянского землепользования происходило за счет приобретения земли в собственность. За 1877–1905 гг. общая площадь крестьянской наделной земли, включая купленную в собственность, выросла

Табл. Распределение полевых культур и урожайность зерновых в России в первое десятилетие XX в.

Tab. Distribution of field crops and grain yield in Russia in the first decade of the XX century

Районы Российской империи	Зерновые хлеба (%)	Корнеплоды, кормовые травы, бобовые, масличные (%)	Сбор зерновых хлебов на 1 дес. в пудах
Польша и Прибалтийский край	69,5	30,5	60,5
Центральные губернии	89,1	10,9	45,5
Восточные, южные и северные	96,5	3,5	42,1

⁴ Составлено по: Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Обновление земледельческой России. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. М.: Задруга, 1914. С. 11.

⁵ Экономическая история с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 1. С. 1138.

⁶ Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России... С. 20, 22.

с 118,2 млн дес. до 148,7 млн⁷. Однако рост купленных земель отставал и от естественного прироста, и от увеличения количества крестьянских хозяйств. За 1870–1900-е гг. крестьянские земли, включая купленные, выросли на 20,5 %, тогда как прирост населения составил 56,9 %, а число крестьянских хозяйств выросло на 57,8 %⁸.

В-третьих, крестьяне пытались вводить некоторые улучшения в рамках трехпольной системы. Неверно считать, что после 1861 г. в сельском хозяйстве был застой. Источники по сельскому хозяйству России показывают, что в пореформенный период имела место некоторая интенсификация, связанная с травосеянием⁹ и применением навозного удобрения¹⁰. По сообщениям с мест в начале 1890-х гг., крестьяне перенимали у помещиков некоторые улучшения в агротехнике, например, улучшенные сорта семян¹¹, вводили улучшенные орудия труда, улучшали обработку земли и пр. [1, с. 36]. Однако все эти прогрессивные явления имели ограниченный характер и означали лишь некоторую интенсификацию устаревшего трехполья.

В-четвертых, средством борьбы с аграрной теснотой стали крестьянские переселения. Этот способ во многом был традиционным для русского крестьянства. От момента основания государственности до XIX в. включительно Российское государство увеличивало площадь своих владений, и за русским солдатом неизбежно шел русский пахарь, осваивавший присоединенные к государству земли. Американский экономист П. Грегори отметил, что развитие сельского хозяйства в Российской империи шло по типу «экономики фронта» – страна расширяла обрабатываемые земли, раздвигая границы [26, с. 30]. Подтверждение этой точки зрения мы находим в источниках. Так, одно из волостных правлений Шигровского уезда (Курская губерния), анализируя причины переселения крестьян во второй половине 1870-х – начале 1880-х гг., отмечало: сами крестьяне говорят, что их предки тоже были переселенцы, и переселение было испытанным средством улучшения быта. Когда-то предки этих крестьян пришли в «дикое поле» из Московской или Тульской губернии, захватили привольные земли, но прежний простор исчез. Поэтому курские крестьяне продают свои участки, переходят в Самарскую или Оренбургскую губернии, но и там через 20–30 лет условия меняются – население растет, приволье уменьшается, и крестьяне вновь переселяются на восток, например в Томскую губернию [24, с. 241–243].

Однако в пореформенный период переселения уже не могли быть эффективным способом борьбы с земельной

теснотой сразу по нескольким причинам. Во-первых, естественный прирост был выше, чем динамика переселений. Так, по данным Н. Л. Роголиной, из 50 губерний Европейского центра в 1885–1901-х гг. выселилось около 1,2 млн человек, а естественный прирост сельского населения составил 20 млн человек [27, с. 14–15]. Даже в период Столыпинских переселений, когда движение крестьян за Урал достигло максимальных размеров за всю историю России, переселения имели значение для конкретных уездов или волостей, могли лишь замедлить темпы роста аграрного перенаселения, но полностью решить проблему земельной тесноты не могли. Во-вторых, в пореформенный период шел процесс интенсивной колонизации южных и восточных губерний Европейской России – крестьянство переселялось из густонаселенных районов в Херсонскую, Уфимскую, Оренбургскую, Пермскую, Вятскую и Самарскую губернии, но к началу XX в. свободные земли в этих губерниях были исчерпаны.

Внутри губерний с аграрным перенаселением к началу XX в. возможности для расширения крестьянского землепользования тоже были невелики. Как показала практика, после 1917 г., когда для дополнительного наделения крестьян землей были использованы фактически все имевшиеся резервы, вышло, что фактическая прибавка к крестьянским наделам получилась небольшая. По данным анкет центрального статуправления, в селениях, где прибавка имела место, наделы выросли лишь на 24 % [28, с. 51]. В среднем по стране увеличение крестьянских наделов произошло на $\frac{1}{4}$ – $\frac{3}{4}$ га [29], а душевое землепользование выросло всего с 1,6 до 2,2 дес. [30, с. 230].

Увеличение крестьянских наделов путем прирезок не могло восстановить эффективность трехпольной системы как минимум по двум причинам. Во-первых, естественный прирост в 1,6 млн человек в год неизбежно должен был поглотить любые прирезки. По расчетам П. А. Столыпина, в 50 губерниях Европейской России для компенсации такого прироста крестьянского населения ежегодно требовалось 3,5 млн дес.¹² Такого земельного запаса в Европейской России просто не было. Во-вторых, любые прирезки земли не поднимали производительность и плодородие почв. Значит, при сохранении динамики прироста населения даже большие прирезки могли лишь отсрочить новый кризис трехполья.

Таким образом, усилия крестьян в пореформенный период были нацелены на восстановление эффективности устаревшей трехпольной системы, а не на переход

⁷ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб.: «Центральная» типо-литогр. М. Я. Минкова, 1907. С. 130–131.

⁸ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса... С. 212.

⁹ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. 12: Состояние травосеяния в России. СПб.: [М-во гос. имуществ], 1905. С. 3–4.

¹⁰ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. 10: Распространенность навозного удобрения в России. СПб.: [М-во гос. имуществ], 1901. С. 4–5, 7, 9, 11, 13, 16, 28.

¹¹ 1892 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. Общий обзор года. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1894. Вып. 3. Ч. IV. С. 2.

¹² Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: Полное собр. речей в Гос. думе и Гос. совете. 1906–1911 гг. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 88.

к интенсивному многополью с правильным севооборотом и минеральными удобрениями. Причин такого консерватизма, на наш взгляд, можно выделить несколько.

1. Отсутствие у крестьян специальных знаний по агротехнике. Например, крестьяне не умели применять минеральные удобрения. В Рузском уезде (Московская губерния) в 1888–1889 гг. земство пыталось даже раздавать даром суперфосфаты, но не разъясняло, как ими пользоваться. Результат был неудачным. Крестьяне говорили: «Видно на нашей земле только навоз годится. Порошок этот одно баловство» [цит. по: 31, с. 6–7]. Даже уборка клевера требовала определенных навыков. Так, А. П. Мещерский привел пример, когда у одного хозяина взошел прекрасный клевер, но его неумело убрали, и «весь клевер пошел в навоз» [32, с. 79]. Простое применение навозного удобрения и то требовало знаний. Например, не следовало удобрять излишне влажные почвы, а песчаные и известковые почвы (как и вообще рыхлые) менее всего способны были удерживать в себе удобрения, поэтому их следовало удобрять каждые 1–3 года и в малом количестве. При этом крестьяне должны были учитывать топографические особенности, состояние влажности, качество подпочвы, свойства климата и пр. [23, с. 6]. На отсутствие у крестьян знаний по современной агрономии как на причину агротехнического кризиса указывали в начале XX в. в комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности¹³.

2. Крестьянство ментально было не готово к агротехнической модернизации. Во-первых, многовековой опыт русского земледелия доказывал, что увеличение трудозатрат крестьян по обработке земли или ее удобрению далеко не всегда приводит к прибавке урожайности [33, с. 42]. Русское крестьянство получало урожайность, несоизмеримую с громадным вложенным трудом, что издавна побуждало крестьян к осторожности в технологии земледельческой практики [17, с. 32–33]. Наличие непростых природно-климатических условий нередко сводило на нет результаты тяжелого крестьянского труда. Это не могло не создать у крестьян определенный скепсис к собственным усилиям. Немалая доля крестьян была подвержена чувству обреченности [33, с. 44, 53], что нашло отражение в многочисленных народных поговорках: Бог не даст, и земля не родит; Год родит (небо родит), а не поле; От сохи не будешь богат, а будешь горбат; Орем землю до глины, а едим мякину; Коли зародит Бог, с малого будет большое; Паши, не паши, ничего не выпашешь, коли у Бога милости не вымолишь [34, с. 12–13, 151, 192].

Во-вторых, трехполье в глазах крестьян было системой полеводства, эффективность которой доказана многовековой

практикой. По выражению В. П. Данилова и Л. В. Даниловой, оно воспринималось крестьянством как средство элементарного выживания [35, с. 25]. Укоренившаяся вера в трехпольную систему была настолько высока, что были зафиксированы примеры, когда крестьяне после даже удачного применения современных севооборотов возвращались к старому трехполью¹⁴. У крестьянства выработался определенный скепсис к инновациям, трехполье же было системой, которая веками доказывала свою эффективность.

Заключение

После 1861 г. реформаторы из правительства Александра II полагали, что условия отмены крепостного права обеспечат крестьянам возможность «самостоятельно устроить свое благополучие»¹⁵. Эти надежды на крестьянское самоустройство себя не оправдали. Динамика роста населения в российской деревне при сохранявшейся трехпольной системе способствовала увеличению земельной тесноты. Имевшийся резерв свободных земель был способен дать лишь незначительную прибавку к крестьянским наделам. Однако широкая интенсификация сельского хозяйства тормозилась тем, что усилия крестьян были нацелены на восстановление эффективности трехпольной системы за счет механического увеличения пашни или попыток несколько интенсифицировать ее. Такие ограниченные меры не могли решить проблему прогрессирующей аграрной тесноты. Вопрос аграрного перенаселения мог быть решен переходом к многополью с правильным севооборотом и применением минеральных удобрений. Преимущества правильного севооборота были следующие: 1) эта система была применима при каждом климате и при каждой почве; 2) чередование растений с разным устройством корней и листьев препятствовало одичанию, отвердению и слишком значительному высыханию почвы; 3) чередование растений, потребляющих в почве разные питательные вещества, замедляло истощение почвы; 4) правильный севооборот обогащал верхний слой почвы не только органическими, но и минеральными веществами посредством возделывания кормовых растений; 5) поскольку посев и уборка разнородных растений производится в разное время, это позволяло более равномерно распределить крестьянский труд в течение весны-осени [23, с. 8–9].

При правильном плодосмене вводился беспрерывный цикл возделывания полей, исключая пар, что повышало доходность хозяйства, т. к. ни один клочок земли не пропал непроизводительно. С введением в оборот кормовых трав и переходом на стойловое содержание скота исчезала потребность в лугах и выгонах, которые обращались под посевы¹⁶. Это расширяло площадь посевов и делало

¹³ См., например: Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XLVII. Черниговская губерния. СПб.: Отд. тип. П. П. Сойкина, 1903. С. 4.

¹⁴ Что такое земельная община. Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1917. С. 20.

¹⁵ О Всемиловейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта. Манифест от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: [с 12.12.1825 по 28.02.1881]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1863. Т. 36: 1861. Отд-ние 1. № 36650. С. 133.

¹⁶ Военно-статистический сборник / сост. под общей ред. Г. Ш. генерал-майора Н. Н. Обручева. СПб.: Военная тип., 1871. Вып. 4: Россия. С. 236.

хозяйство более рациональным. Конечно, сокращалась доля посевов под хлебами, однако правильный плодосмен значительно поднимал их урожайность. Во многих странах Европы именно плодосмен привел к удвоению урожайности хлебов в период, когда минеральные удобрения еще не были известны. Так, благодаря плодосмену в Бельгии урожай в начале XIX в. достигли 15 ц с 1 га (против 7 ц в Средневековье), то же имело место в Голландии и позднее в Германии. Правильный плодосмен имел еще несколько заметных плюсов: он предотвращал появление некоторых видов насекомых, паразитирующих на сельскохозяйственных культурах, и значительно снижал вероятность неурожая. Переход к широкому применению минеральных удобрений способен был значительно поднять урожайность. Так, введение химических удобрений в Бельгии, Голландии и Германии в 1909–1913 гг. способствовало росту урожайности с 15 ц с га до 22,5–25,3 [36, с. 136, 383, 506].

Однако самостоятельно определить правильность севооборота, чередование растений, распланировать цикл применения удобрений и многие другие приемы агротехники крестьяне не могли из-за недостатка знаний. Серьезной преградой для агротехнической модернизации деревни была психологическая неготовность крестьян к инновациям. В одной из более ранних работ нами был сделан вывод, что препятствием модернизационным процессам в российской деревне были малограмотность, традиционализм и патриархальность крестьянского мышления. Крестьянство в основной массе было ментально не готово принять агрикультурные инновации [25, с. 64]. Для преодоления такого консерватизма нужны были серьезные усилия, связанные с распространением в крестьянской среде современных агротехнических знаний. Надежды на то, что проводником агрономических знаний в народ станут земства, к началу XX в. не оправдались [37, с. 452–471]. Для агротехнической модернизации была необходима широкая помощь со стороны государства.

Литература

1. Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 599 с.
2. Рогалина Н. Л. Столыпинская аграрная реформа: современная историографическая ситуация // Российская история. 2012. № 2. С. 157–164.
3. Тюкавкин В. Г. Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 303 с.
4. Шишкин Д. П. Формирование основных предпосылок аграрной реформы в Саратовской губернии начала XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 547–550. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-4-547-550
5. Габитов М. Р. Предпосылки и правовая концепция Столыпинской аграрной реформы // Аграрное и земельное право. 2005. № 3. С. 35–45.
6. Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2016. 1080 с.
7. Ефременко А. В. Агрономический аспект столыпинской земельной реформы // Вопросы истории. 1996. № 11-12. С. 3–16.
8. Мацузато К. Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. № 6. С. 194–200.
9. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
10. Огановский Н. П. Аграрная эволюция в России после 1905 г. М.: Задруга, 1917. 100 с.

Таким образом, к началу XX в. в России возникли предпосылки для модернизации сельскохозяйственного производства. Эти предпосылки определялись основными проблемами в российском сельском хозяйстве: кризисом трехпольной системы и аграрной перенаселенностью. Агротехнические предпосылки Столыпинской аграрной реформы были следующими:

- в результате демографического роста в пореформенный период к началу XX в. в Европейской России возникло аграрное перенаселение. Аграрная теснота возрастала как в результате естественного прироста, так и из-за стремления основной массы крестьян избежать раскрестьянивания;
- преобладавшая в России трехпольная система полеводства не могла восстановить свою прежнюю эффективность. Для расширения наделного землеустройства имелись лишь небольшие резервы, а модернизация трехполья за счет внедрения незначительных агротехнических новаций давала ограниченный эффект;
- крестьянство ментально было не готово отказаться от привычной системы полеводства, ориентировалось на сохранение трехпольной системы. Серьезной преградой были низкая грамотность крестьян, отсутствие современных агротехнических знаний. Преодолеть крестьянский консерватизм можно было лишь за счет организации массовых сельскохозяйственных курсов, лекций, распространения знаний по современной агротехнике;
- для поднятия производительности крестьянских хозяйств был необходим переход к интенсивным формам производства: многополью с правильным плодосменом и широкому применению минеральных удобрений. Эти меры могли быть реализованы лишь в рамках государственной политики реформирования сельского хозяйства.

11. Кауфман А. А. Земля и культура: К вопросу о земельной реформе. М.: Народное право, 1906. 88 с.
12. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Обновление земледельчества России и аграрная политика. Вып. 1: Население, переселенческий вопрос. М.: Задруга, 1914. 335 с.
13. Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг.: Право, 1922. 234 с.
14. Leonard C. S. Agrarian reform in Russia: the road from serfdom. N. Y.: Cambridge University Press, 2011. XIV+402 p.
15. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М.: Наука, 1980. 238 с.
16. Лохтин П. М. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами: Итоги к XX веку. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1901. 369 с.
17. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
18. Ермолов В. А. Трансформация и модернизация крестьянского хозяйства северо-запада России в период 1870–1940 гг. (на примере Новгородской области) // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 3. С. 23–30.
19. Бакиров Н. Б., Давлятшин И. Д. Прогнозирование урожайности яровой пшеницы по содержанию фосфора и калия в почвах // Плодородие. 2007. № 1. С. 12–13.
20. Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. 1: Продовольственное дело в прошлом и настоящем. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1909. XII+599 с.
21. Вернер К. Неурожаи и наше сельское хозяйство // Вестник Европы. 1893. Т. 1. Кн. 1. С. 114–144.
22. Воронцов В. П. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. 220 с.
23. Бар Ф. Общинное землевладение, малоземелье, переселение и земледельческий, экономический и торговый кризис в России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1886. 52 с.
24. Марков Е. Обетованные земли (к вопросу крестьянских переселений) // Русская речь. 1882. Кн. 3. С. 231–304.
25. Белянин Д. Н. Крестьянский менталитет и проблема модернизации российской деревни на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Кемерово, 5 декабря 2018 г.) Кемерово: КемГУ, 2019. С. 62–65.
26. Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста // Экономическая история России: Ежегодник. 2001. Т. 2000. С. 7–97.
27. Роголина Н. А. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 10–22.
28. Чернышев И. В. Сельское хозяйство довоенной России и СССР. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 199 с.
29. Жупикова Е. Ф. Декрет о земле // Большая российская энциклопедия. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2007. Т. 8. Режим доступа: https://bigenc.ru/domestic_history/text/1945408 (дата обращения: 30.05.2020).
30. Роголина Н. А. Реформаторство XX века и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): мат-лы Междунар. конф. (Москва, 14–15 июня 1994 г.) М.: РОССПЭН, 1996. С. 228–237.
31. Фортунатов А. Ф. Из истории земских мер по распространению минеральных удобрений // Опыты с минеральными удобрениями на крестьянских землях: Сб. ст., докл. и журн. Совещ. 21–23 февр. 1908 г. при О-ве взаимопомощи рус. агрономов: Памяти Александра Ивановича Чупрова / под ред. проф. Д. Н. Прянишникова. М.: М. и С. Сабашниковы, 1908. С. 6–14.
32. Мещерский А. П. Письма деревенского хозяина. СПб.: А. С. Суворин, 1896. 325 с.
33. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): мат-лы Междунар. конф. (Москва, 14–15 июня 1994 г.) М.: РОССПЭН, 1996. С. 40–56.
34. Ермолов А. С. Народная и сельскохозяйственная мудрость в пословицах поговорках и приметах. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1905. Т. 2. 528 с.
35. Данилов В. П., Данилова Л. В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): мат-лы Междунар. конф. (Москва, 14–15 июня 1994 г.) М.: РОССПЭН, 1996. С. 22–39.
36. Прянишников Д. Н. Избранные труды. М.: Наука, 1976. 591 с.
37. Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам трансп. статистики и статистики землеустройства). М.: РГГУ, 2003. 565 с.

Agrotechnical Prerequisites of the Stolypin Agrarian Reform

Dmitry N. Belyanin ^{a, @, ID}

^a T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo

@ bdn73@list.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2062-860X>

Received 03.06.2020. Accepted 20.08.2020.

Abstract: The present research featured the agrotechnical prerequisites of the agrarian reform introduced by P. A. Stolypin. The article focuses on the agrotechnical crisis in the rural Russian in the post-reform period. However, the complex and debatable matter of the effect of the community on the crisis was beyond the scope of the study. The author believes that the crisis of the three-field system was connected with the natural population increase and the agricultural overpopulation. The paper describes the methods used by Russian farmers to deal with the lack or agricultural lands and reveals their extensive nature. The author summarized and analyzed options for overcoming the agrotechnical crisis proposed by various state, political, and public figures in the late XIX century. A radical modernization of the Russian village was necessary to overcome the agrotechnical crisis and move on to intensive production forms, and the state policy should have become the instrument of that modernization. The agrarian reform conducted by P. A. Stolypin proved to have some agrotechnical prerequisites.

Keywords: modernization of agriculture, post-reform village, agrotechnical crisis, three-field system, prerequisites for Stolypin agrarian reform, agricultural overpopulation

For citation: Belyanin D. N. Agrotechnical Prerequisites of the Stolypin Agrarian Reform. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 899–907. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-899-907>

References

1. Dubrovsky S. M. *Stolypin land reform*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963, 599. (In Russ.)
2. Rogalina N. L. Stolypin reform: modern historiographical situation. *Rossiiskaya istoriia*, 2012, (2): 157–164. (In Russ.)
3. Tyukavkin V. G. *Great Russian peasantry and Stolypin agrarian reform*. Moscow: Pamiatniki ist. mysli, 2001, 303. (In Russ.)
4. Shishkin D. P. Formation of the main prerequisites of Saratov province agricultural reform in the beginning of the XX century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, 18(4): 547–550. (In Russ.) DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-4-547-550
5. Gabitov M. R. Premises and legal conception of Stolypin's reform. *Agrarian and land law*, 2005, (3): 35–45. (In Russ.)
6. Davydov M. A. *Twenty years before the Great War: Witte and Stolypin's modernization of Russia*, 2nd ed. St. Petersburg: Aleteia, 2016, 1080. (In Russ.)
7. Efremenko A. V. Agronomic aspect of Stolypin land reform. *Voprosy istorii*, 1996, (11-12): 3–16. (In Russ.)
8. Matsuzato K. The Stolypin reforms and the Russian agro-technological revolution. *Otechestvennaia istoriia*, 1992, (6): 194–200. (In Russ.)
9. Rashin A. G. *Population of Russia for 100 years (1811–1913): Statistical essays*. Moscow: Gosstatizdat, 1956, 352. (In Russ.)
10. Oganovsky N. P. *Agrarian evolution in Russia after 1905*. Moscow: Zadruga, 1917, 100. (In Russ.)
11. Kaufman A. A. *Land and culture: On the issue of land reform*. Moscow: Narodnoe pravo, 1906, 88. (In Russ.)
12. Oganovsky N. P. *Regularity of agrarian evolution. Vol. 3. Renovation of agriculture in Russia and agrarian policy. Iss. 1: Population, resettlement issue*. Moscow: Zadruga, 1914, 335. (In Russ.)
13. Brutskus B. D. *Agrarian question and agrarian policy*. Petrograd: Pravo, 1922, 234. (In Russ.)
14. Leonard C. S. *Agrarian reform in Russia: the road from serfdom*. N. Y.: Cambridge University Press, 2011. XIV+402.
15. Anfimov A. M. *The Peasant economy of European Russia. 1881–1904*. Moscow: Nauka, 1980, 238. (In Russ.)
16. Lokhtin P. M. *The State of agriculture in Russia in comparison with other countries: Results to the XX century*. St. Petersburg: Typ. M-va put. soobshch. (t-va I. N. Kushnerev and K°), 1901, 369. (In Russ.)
17. Milov L. V. *Great Russian Plowman and features of the Russian historical process*. Moscow: ROSSPEN, 2001, 576. (In Russ.)
18. Ermolov V. A. Transformation and modernization of the peasant economy of the North-West of Russia in 1870–1940 (the case of the Novgorod region). *Society. Environment. Development*, 2010, (3): 23–30. (In Russ.)
19. Bakirov N. B., Davlyatshin I. D. Forecasting the yield of spring wheat by the content of phosphorus and potassium in the soil. *Plodorodie*, 2007, (1): 12–13. (In Russ.)
20. Ermolov A. S. *Our crop failures and the food question. Pt. 1: Food business in the past and present*. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma, 1909, XII+599. (In Russ.)

21. Verner K. Crop failures and our agriculture. *Vestnik Evropy*, 1893, book 1, vol. 1: 114–144. (In Russ.)
22. Vorontsov V. P. *Fate of capitalist Russia. Economic essays of Russia*. St. Petersburg: Tip M. M. Stasiulevicha, 1907, 220. (In Russ.)
23. Bar F. *Communal land ownership, smallholdings, resettlement, and the agricultural, economic, and trade crisis in Russia*. St. Petersburg: Tipp. V. Kirshbauma, 1886, 52. (In Russ.)
24. Markov E. The Promised Lands (on the issue of peasant migrations). *Russkaia rech*, 1882, book 3, 231–304. (In Russ.)
25. Belyanin D. N. Peasant mentality and the problem of modernization of the Russian village at the turn of the XIX–XX centuries. *Actual problems of modern humanities: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation*, Kemerovo, 2018, 5 December. Kemerovo: KemGU, 2019, 62–65. (In Russ.)
26. Gregory P. Russian economic history: what we know and do not know. An economic appraisal. *Ekonomicheskaiia istoriia: Ezhegodnik*, 2001, 2000: 7–97. (In Russ.)
27. Rogalina N. L. Agrarian crisis in the Russian village of the beginning of the XX century. *Voprosy istorii*, 2004, (7): 10–22. (In Russ.)
28. Chernyshev I. V. *Rural economy of pre-war Russia and the USSR*. Moscow-Leningrad: Gos. izd-vo, 1926, 199. (In Russ.)
29. Zhupikova E. F. *Decree on land. Big Russian Encyclopedia*. Moscow: Bolshaia Ros. entsiklopediia, 2007, vol. 8. Available at: https://bigenc.ru/domestic_history/text/1945408 (accessed 30.05.2020). (In Russ.)
30. Rogalina N. L. Reformation of the XX century and the peasant mentality. *Mentality and agrarian development of Russia (XIX–XX centuries)*: Proc. Intern. Conf. Moscow, June 14–15, 1994. Moscow: ROSSPEN, 1996, 228–237. (In Russ.)
31. Fortunatov A. F. From the history of Zemstvo measures for the distribution of mineral fertilizers. *Experiments with mineral fertilizers on peasant lands*: Collection of articles, reports, and proceedings of the Meeting of February 21–23, 1908, at the Society of Mutual Aid of Russian agronomists: In memory of Alexander Ivanovich Chuprov, ed. prof. Pryanishnikov D. N. Moscow: M. and S. Sabashnikovy, 1908, 6–14. (In Russ.)
32. Meshchersky A. P. *Letters of the village owner*. St. Petersburg: A. S. Suvorin, 1896, 325. (In Russ.)
33. Milov L. V. Natural and climatic factor and mentality of the Russian peasantry. *Mentality and agrarian development of Russia (XIX–XX centuries)*: Proc. Intern. Conf. Moscow, June 14–15, 1994. Moscow: ROSSPEN, 1996, 40–56. (In Russ.)
34. Ermolov A. S. *Folk and agricultural wisdom in proverbs, sayings, and lore*. St. Petersburg: Tip. A. S. Suvorina, 1905, vol. 2, 528. (In Russ.)
35. Danilov V. P., Danilova L. V. Peasant mentality and community. *Mentality and agrarian development of Russia (XIX–XX centuries)*: Proc. Intern. Conf. Moscow, June 14–15, 1994. Moscow: ROSSPEN, 1996, 22–39. (In Russ.)
36. Pryanishnikov D. N. *Selected works*. Moscow: Nauka, 1976, 591. (In Russ.)
37. Davydov M. A. *Essays on the agrarian history of Russia in the late XIX – early XX centuries (based on transport statistics and land management statistics)*. Moscow: RGGU, 2003, 565. (In Russ.)